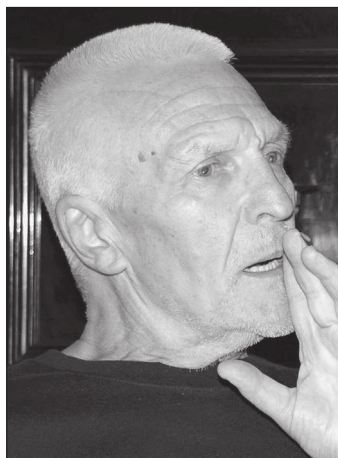

Юлиан

НАДЕЖДИН

Родился в 1937 г. в городе Иванове. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Работал в пермских газетах. С 1984 г. живёт в Ярославле, с начала 1990-х — корреспондент газеты «Северный край».

В новом столетии стихи печатались в газете «Трибуна», в журнале «Континент», в хрестоматии по литературному краеведению «Родное Прикамье» (Пермь, 2001), в сборнике «Приют неизвестных поэтов» (Москва, 2002). Автор трёх книг стихов, изданных в Ярославле и Рыбинске: «Бикфордов шнур» (2001), «Далее везде» (2005), «Рисунок углём» (2006). Стихи предлагаемой читателям журнала подборки — из подготовленного к печати нового сборника лирики «Во Леонтьевом лесу».

Штормовое предупреждение

Санаторная элегия

Перемучаюсь молчаньем ягнят.
Счастьем переболею.
Чью-то или ничью вышней воле тебя поручу.
Налегке заверну на восход
в ту пустую аллею,
Что выводит разлучных
на чистую воду, к ручью.
Я сорвиголова,
сном под музыку недолечённый,
Я пришёл
пятернёй листопад на воде разгрести.

Будет по ветру облако
 стружкой сорить золочёной,
За мгновенье до света
 чудо-пламенем вспыхнув в горсти.
Так прозрачны, до дна,
 по округе протоки и броды,
Осень зорким дозором
 их всех за полдня обошла.
Есть теперь и для нас
 заповедный секрет у природы —
Той горючей слезы,
 что глаза над ручьём обожгла.

Самое короткое кино

Александру Ромашову

Кадр первый:

 на досуге до обеда
Всё побоку, охоты и пиры,
Лоб в лоб столкнулись два пещерных деда,
Кремнёвые скрестили топоры.
Но времена меняются.
 У брода
Коня пришпорив, к гриве наклонясь,
Он жизнь отдаст за честь герба и рода,
Пошёл с мечом в руке на князя князь.
Но времена меняются.
 Подуло
В окно палёным, и труба зовёт.
На крепость встала крепость дуло в дуло.
Но времена меняются. И вот
Теперь мы это всё рисуем сами:
Связь барахлит, и опоздал гонец.
Две бомбы с буквой «А» сошлись носами.
Но времена... Ну нет. Теперь конец.

Плѐс

По вольным ладогам-онегам
Весь год кружил бы я, да вот
Матроса сердце перед снегом
Шалит, никак не заживёт.

«Ракетой» поздней в ночь по звёздам
Сбежим давай мы в детство — в Плёс.
Туда, в берёзовую роздымь,
Когда б малым-мало спалось.
Судьбой нам явленная тайна
Видна с Шаляпинской горы:
Как стужа рощи Левитана
Спалит за утро до коры.
Там иней тронул пирс и краны.
«Зима!» — вскричала в небо ты.
А сеть у пирса нам на раны —
Она, как чистые бинты.
Где сваи за пивной палаткой,
Волна анисовым листом,
Шибает в нос аптекой сладкой
Там, в детстве, в Плесе золотом.

Чёрный камень

По инею, до утренней просушки,
Душа, как птаха ранняя, вольна,
Напросится к берёзовой опушке
У мшистого погреться валуна.
Его узрел Ярило светлым оком,
Та ноша божья так была легка,
Когда валун несло сюда потоком
С расплавленного края ледника.
«Крестили» камень плёткою кручёной,
Кайлом долбали в драке межевой.
От тех кручин он, как от сажи, чёрный.
Всё перевозмог. И потому живой.
Таким рождён в своём бездонном лоне
Из искры от пречистого огня.
К его рубцам я приложил ладони,
И он, как брат родной, согрел меня.

Волголаг

Девятый вал обрушил он на сушу,
Он рад опять нас всех зажать в кулак.
Он ловит чайку, мученика душу,
В силки колючки ржавой, Волголаг,

Свой смертный грех с лица земли смывая,
«Отца народов» чёрную вину.
Вода окаменела штормовая,
И крест пророс сквозь волжскую волну.

Школа реализма

На Волге — там, за мысом безымянным,
Стал что-то понимать и не жалел о том,
Что на закате серебром обманным
Брег белоствольный меркнет за бортом.
Стал что-то понимать в поэзии и прозе,
Когда найти мы так и не смогли
У Пушкина хоть строчку о берёзе.
Берёзовыми розгами секли.

Поездка в Шую

Сергею

Сделаем петлю большую
С Волги да к Тезе-реке,
К терра-инкогнита, в Шую
Мы завернём налегке.
Дома есть фото: на взгорке
Храм, он объят синевой.
Мальчик в смешной треуголке,
Конь боевой у него.
Конь тот — игрушка-качалка.
Няньки отцовские, кот,
Облако белое, чайка —
Шуя, пятнадцатый год.
Предков не ищем законных,
В Шуе, Серёга, их нет.
А из давнишних знакомых
Жив только Бальмонт, поэт.
Шлялись мы где, ротозеи?
Ждать нас ему недосуг.
Отбыл, оставив в музее
Старый дорожный сундук.
Тихо, безлюдно, погоже.
Где этот, с няньками, двор?

Только вот небо всё то же:
Облако, чайка, собор.
К звёздам и к лунному рогу —
Там наша память и стыд —
Нам освещая дорогу,
Шпиль колокольный блестит.
Поздно, давай-ка отсюда.
Дома нас ищут давно.
Ведать, мы кто и откуда,
Лишь небесам и дано.

* * *

Поднимаюсь в детство, круто в гору —
Прямо по дороге на Парнас.
На Московской дождик, в эту пору
Здесь цвели подснежники у нас.
Лепесток оттуда быстрой тенью,
Бабочкой слетает на скамью.
Скользкие, как путь к грехопаденью, —
Я на рейки мокрые встаю.
Тут не сад — бульвар для променада,
На воротах крепостной запор.
Мне-то в детство только ведь и надо.
Что ль, махнуть туда через забор?
Каждый куст, смотрю, с помётом полит,
И парник у них размером с дом.
А земля, она ж про нас всё помнит,
Сколько мы её ни предаём.
Горести мои перегорели.
Сквозь решётку вижу за версту
Пламень ясный — по апрельской прели
Первые подснежники в цвету.

Штормовое предупреждение

Не знают многомудрые музеи,
Как вёл спасать Москву своих бойцов
Спецназ сибирский с дальней Мангазеи —
Забывтый воевода Жеребцов.
Он жизнью присягнул селу и граду
И получил богатое зело,
В обмен на жизнь от Шуйского награду —
Старинное мологское село.

Вернёмся, внукам обо всём расскажем,
Как шли по Рыбинке над тем селом
С крестом поклонным мы под стягом князьим,
Чуть Шумарово не задев веслом.
Ты русский, из татар или чеченец,
Как и везде, ты лох или спецназ,
Всего один нормальный ополченец
На дюжину гулявших был у нас.
Но и у них в глазах светилась влага.
Летела в шлюпку пена с буруна,
Звенел тугой шнурок у древка флага
От ветра, как надрывная струна.
«Ну покачает, да и перестанет», —
Изрёк матрос, задраив люки все.
И наша шлюпка к острову пристанет,
К камням замшелым храма на косе.
Когда подняли крест,
 с гнездовой ближних
Услышали мы чаек плач и стон.
Колонию тех чаек краснокнижных
Спугнул наш громовержец мушкетон.
Притихло наше шоу шумовое.
С небес Господних весть была о том,
Что нам предупрежденье штормовое —
Сто чаек серебристых над крестом.